

АНТИНАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

В.А. КОЛПАКОВ

Экономическая теория в реальном процессе экономического познания характеризовалась многообразием типов и форм. Можно утверждать, что понятие «теория» в экономике изначально имело очень много коннотаций, а движение в направлении построения теории, т.е. ее конкретного воплощения различными учеными и научными сообществами велось в самых различных направлениях. При этом ученые основывались на различных представлениях об идеальной теории, образцы которой они находили в естественных или гуманитарных дисциплинах. Зафиксировать это различие возможно при помощи таких концепций современной эпистемологии, как «идеалы научности», «натуралистические и антинатуралистические исследовательские программы», «научные парадигмы» и т.д. Ниже мы покажем, что формирование каждого исторически конкретного типа экономической теории находилось под влиянием вполне определенного идеала научности и соответствующей исследовательской программы. Но о чем говорит этот факт с точки зрения философии науки? Напрашивается вывод о том, что при внимательном взгляде на познавательный процесс всегда можно обнаружить *исходное многообразие типов теорий* в их актуальном виде или же в виде еще только зарождающемся, имеющих предтеоретическую фазу, но уже заявивших о себе как некая программа и направление движения теоретической мысли. Экономические теории по мере своего развития воплощали целое многообразие как научных, так и вненаучных практик, которые присутствовали во внеэкономическом знании, как, например, в медицине, философии, математике, физике, биологии, истории, а позднее в культурологии, антропологии и т.п. Это позволяет предположить, что становление и развитие экономических теорий происходило по сценарию развития теоретического знания, написанному в соответствии с канонами неклассической эпистемологии.

В отношении развития экономических теорий имеется во многом уникальная ситуация взаимодействия философии и процесса научного познания. Анализ этого подхода к сотрудничеству философии науки и ученых-экономистов может предложить сегодня неклассическая теория познания. Неклассическая теория познания исходит из предпосылки особого участия в познавательных процессах. Свою роль она видит в том, чтобы обеспечить ученых пониманием процессов социального производства знания и его функционирования на уровне теорий внутри сообщества ученых. С другой стороны, неклассическая теория познания может обеспечить общество таким разнообразием научных результатов, изначально базирующихся на декларируемом разнообразии парадигм, которое позволяет снять с научной практики все обвинения в пристрастии и односторонности. Принцип методологического плюрализма, положенный в основу деятельности ученых, приводит в качестве идеала научного развития, к постулированию одновременного существования не одной парадигмы, а сразу нескольких альтернативных друг другу¹.

Процесс становления и развития экономических теорий можно представить как результат взаимодействия двух исследовательских программ: *натуралистической* и *анти натуралистической*. Эвристические возможности этих программ были неодинаковы.

Если исходить из идеала строгой теории и классических критериев научности, то натуралистические теории не имеют себе равных. Особенно в вариантах аксиоматически построенной экономической теории они обладают безусловной строгостью и точностью, подобной математическим дисциплинам. Некоторые натуралистически построенные теории экономики во многих чертах сходны с развитыми физическими теориями. Однако при ответе на вопрос о возможности онтологизации этих теорий возникает огромная проблема. Они воспроизводят не весь процесс экономической жизни, а лишь определенные регулярности отдельных сторон экономической системы, взятой в изоляции от других сфер общества и от экономики как целого, поскольку такая изоляция весьма условна и в действительности может

существовать лишь чрезвычайно кратковременно. Кажется, эту методологическую трудность предвидел А. Маршалл: «Если мы закроем глаза на реальность, нам удастся построить посредством воображения величественное здание из чистого хрусталя, которое отражениями от своих граней бросит свет на реальные проблемы, и, возможно, оно представит интерес для существ, которые вовсе не сталкиваются с экономическими проблемами, подобным нашим. Такие воображаемые путешествия могут подсказать неожиданные идеи, они дают хорошие упражнения для ума и, видимо, приносят пользу, пока существует четкое представление об их назначении»².

В данной статье будет проанализировано формирование экономического знания, под влиянием *антинатуралистической исследовательской программы*³. Анализируя основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук – натурализм и антинатурализм – В.Г. Федотова отмечает, что антинатуралистическая программа получает развитие в тот момент, когда «*найдена иная онтологическая реальность, отличная от природы, но столь же самостоятельная и значимая, как первая*» (Курс. мой. – В.К.).

Культурцентризм

Такая реальность впервые была найдена в культуре, получившей признание в качестве столь же самостоятельной сферы, что и область природы. В качестве ведущей черты неклассической (современной) философии многие исследователи отмечают переход от ориентации на каноны наук, изучающих природу, к признанию равноправия с природой культуры, социальной сферы и соответственно равноправия изучающих их наук с естествознанием⁴. Поэтому негативная характеристика исследовательской программы как антинатуралистической дополняется позитивной качественной характеристикой, позволяющей назвать ее *культурцентристской* или *социоцентристской* (институционалистской), но, в любом случае, ориентированной на «другую» реальность, чем природа. Оба эти варианта антинатуралистической программы обнаруживают свое влияние на процесс формирования современной экономической теории.

Среди важных особенностей «другой» реальности исследователи выделяют следующие моменты:

- *восприятие культуры как другой природы;*
- *органическую целостность общества;*
- *включенность в формирование социальных фактов ценностно-когнитивно ориентированных субъектов;*
- *фактор историчности и многомерности описаний самих фактов;*
- *значение повседневности и человеческих мотиваций;*
- *изменчивость, нелинейность развития, неравновесность социальных экономических систем, и ряд других.*

Следовательно, чтобы говорить об ином, чем рассмотренные выше, натуралистические концепции и типы теории в экономической науке, нужно показать, что «другая» реальность в качестве социальной среды или культуры, от которых зависит экономика, была открыта экономистами лишь на некотором этапе развития экономического знания. Открытие новой реальности произошло вместе с открытием общества как продукта культуры и изучением его институтов, но не как особого, отличного от природы явления (социальные факты можно изучать вполне натуралистически), а как принципиально новой органической целостности, не сводимой к сумме своих составляющих.

Среди многих мыслителей, повлиявших на формирование подходов к изучению общества в сторону отхода от натуралистической исследовательской программы, представленной в естествознании, назовем Г. Риккерта, В. Виндельбанда, В. Дильтея, которые показали существование гуманитарных наук, отличных от социальных тем, что они используют индивидуализацию и понимание вместо генерализации и объяснения. Хотя О. Конт и Г. Спенсер были позитивистами и, следовательно, сторонниками натуралистической программы, открытие социологии как позитивной науки, похожей на естествознание (и признаваемой в качестве таковой даже Риккертом и Виндельбандтом, открывшим различие похожих на естествознание социальных наук и непохожих на него, строящихся на критериях «инонаучности» гуманитарных наук), все же сыграло роль в том отношении, что экономика стала рассматриваться как часть

общества, а не сама по себе. Но для экономической науки, пожалуй, одной из главных фигур в этом ряду был К. Маркс. Говоря о зависимости экономики от политики и общества, *он разрушил ее натуралистическую изоляцию, создав анти-натуралистическую программу не культурцентристского, а институционального типа.*

Социоцентризм (институционализм)

Мысль о человеке как совокупности общественных отношений, о зависимости экономики от социальных отношений и институтов как социальном продукте по сей день продолжает оказывать влияние на умы социальных философов.

Вместе с открытием общества как особой реальности постепенно пришло понимание важности для целей экономического анализа исследование внутренней организации любой хозяйствующей единицы и ценностно-когнитивных структур самого экономического агента в противоположность неоклассической экономической тенденции, идущей от А. Маршалла и до сих пор принимающей ценности как нечто предзаданное и к тому же неизменное. Экономическому агенту в натуралистической неоклассической исследовательской программе предлагается лишь осуществить выбор между благами. При этом рассматриваются только индивидуальные предпочтения, а коллективные игнорируются. Допущения такого рода вполне приемлемы при построении теорий натуралистического типа, однако они ведут к тому, что экономическая теория полностью абстрагируется от социальной и политической сфер общества. В анти-натуралистической исследовательской программе поведение человека ориентировано ценностно-когнитивными структурами, которые «встроены» в присущую данному обществу культуру. Важным элементом поведения человека является использование как естественного языка, так и специальных научных языков. Отметим, что предпочтения, на основании которых только и может быть осуществлен выбор, формируются в результате коллективного взаимодействия людей в актах речевой коммуникации или совместного действия. Предпочтения не образуют платоновский мир идей, а *создаются* самими индивидами. Кроме того,

целая система внешних условий, таких, как когнитивные и ценностные структуры общества, рассматривается как важная в качестве предпосылок формирования предпочтений, которые рождаются человеком в актах выбора. В этом смысле любой акт выбора уникален. Ясно, что выбор зависит от времени, от места и от целого набора других граничных условий. Однако наличие общей для всех людей данного общества культуры и также других базовых структур, наличие которых человек застает от рождения, сводит личную уникальность акта выбора к кластерному множеству «ситуаций выбора». Неоклассическая теория сводит множество кластеров к однородному множеству ситуаций, она изучает условия спроса и предложения как данность и показывает с помощью уравнений, каким образом происходит аллокация ограниченных ресурсов между множеством конечных целей, направленная на обеспечение устойчивого равновесия всей системы. Но в новой парадигме экономическое поведение всегда если не уникально, то типологически различно.

Важно обратить также внимание и на то, что в теориях типа социальной механики формирование экономической реальности было подчинено действию принципа методологического индивидуализма⁵. Согласно этому принципу, положенному в качестве методологического регулятива построения научной онтологии, все многообразие действий экономических агентов сводится к индивидуальным. Известный экономист Л. фон Мизес в этой связи писал: «Если мы тщательно исследуем смысл действий, предпринимаемых индивидами, то неизбежно узнаем все о деятельности коллективных целостностей, поскольку коллектив не существует вне деятельности отдельных членов. Коллектив живет в деятельности составляющих его индивидов. Реальность общественного образования заключается в направлении и облегчении определенных действий индивидов. Таким образом, путь к познанию коллективных целостностей лежит через анализ действий отдельных индивидов»⁶.

Открытие общества как «иной реальности» предполагало изменение взгляда на онтологию экономической науки, к которой принцип методологического индивидуализма был уже не применим. В антинатуралистической исслед-

довательской программе изменялось понятие субъекта деятельности. На место абстрактного индивида, вырванного из среды своего существования, приходит субъект социальный, который включен в структуру самых разнообразных связей, и, вместе с тем, сам является их творцом. Такой субъект зачастую рассматривается как изначально рациональный, способный к саморефлексии и рефлексии по отношению к другим участникам действий. Его деятельность осуществляется в предположении о существовании и реакции других подобных ему субъектов. В свою очередь, социальность так же лишается универсальных характеристик и взамен приобретает живые локальные черты.

Если обратиться к истории экономического познания, то, на наш взгляд, первая попытка построить теорию, идеал научности которой находился под влиянием социально-гуманитарного знания, встречается в работах американского экономиста Т. Веблена⁷. Он был широко образованным ученым, помимо учения Маркса был знаком с эволюционными идеями Ч. Дарвина, знал антропологические открытия своего времени. Эрудиция и широта позволили ему выйти за пределы модели «экономического человека», увидеть ее ограниченность и впервые объяснить экономическое поведение людей традициями и обычаями, принятыми в обществе. Жанр его основной работы «Теория праздного класса» можно обозначить как историко-антропологическое исследование экономических процессов. Его считают основоположником институционалистского направления в экономическом анализе. Он объединяет по сути оба антинатуралистических подхода — культурцентристский и институционалистский.

Веблен впервые проанализировал влияние внеэкономических факторов на экономическое поведение и тем самым сделал очевидной ограниченность неоклассического подхода. Главной заслугой Веблена было введение в экономический анализ понятия «институты», роль которых он определял следующим образом: «Социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или господствующие типы отношений и духовную позицию; они в то же время являются особыми способами существования общества, ко-

торые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора. Так что изменение институтов ведет в свою очередь к дальнейшему отбору индивидов с наиболее приспособленным складом характера и к приспособлению привычек и темперамента отдельных людей к изменяющемуся вследствие образования новых институтов окружению»⁸. Институты, таким образом, включали не только организации и коллективные формы поведения, но и общие коллективные представления, нормы поведения.

Анализ дальнейшего развития идей институциональной экономики, конечно же, далеко выходит за пределы нашего исследования. Однако начало исследований, положенное Вебленом, постепенно оформилось в новое внутридисциплинарное направление экономического анализа, получившее название «неоинституционалистская экономика»⁹. Представители этого направления строят свои теории в предположении, что предмет их анализа — это сложные динамические развивающиеся системы с иерархией обратных связей и зависимостей.

Сегодня происходит возрождение институционализма, «получившее название неонституционализм». Если можно использовать некоторые аналогии, то в данном случае было бы оправданным сказать, что социально-экономические системы, являющиеся предметом анализа неоинституционалистов подобны динамическому хаосу, и институционалистский анализ направлен на анализ процесса рождения порядка из хаоса в экономике подобно того, как эту задачу поставили И. Пригожин и И. Стенгерс¹⁰ в отношении физики. Неоинституциональная экономика подчеркивает в социально-экономических системах неразрывную связь экономики с множеством социальных и политических институтов, которые всегда и в изобилии имеются в обществе¹¹. Поэтому некоторые представители неонституционализма при экспликации методологии теоретического анализа явно или неявно указывают на ее многие черты, подобные «наукам о духе», построенных на культурцентристской, а не на институционалистской версии антинатурализма. Так, У. Дж. Сэмюэлс в обзоре институциональной экономической тео-

рии, помещенном в коллективной монографии «Панорама экономической мысли конца XX столетия», среди методологической ориентации ученых институционалистской школы приводит целый ряд положений, подтверждающих наш тезис. Вот некоторые из них: «Институционалисты придают большее значение *пониманию*, чем прогнозированию... Институционалисты подходят к экономике как к органическому системному эволюционирующему целому, а не как к статичному механизму... Институционалисты критикуют использование ньютоновской физики как архетипа для экономической науки... Институционалисты призывают к моделированию паттернов, а не к ограниченному и часто сомнительному причинно-следственному объяснению»¹².

Эти тезисы отчетливо показывают, что неоинституционалистский подход по своей сути антинатуралистический и отчасти даже культурцентристский. Он характеризуется имплицитным присутствием факторов культуры и антропологии, позволяющих создавать теорию, связанную с философией науки.

Социальная история и антропология (междисциплинарность)

Помимо культурцентристского и институционалистского вариантов антинатурализма, в экономическом анализе возникают и другие антинатуралистические подходы. Так, например, особую позицию в подходе к построению экономической теории занимает В. Леонтьев, получивший Нобелевскую премию по экономике за разработку модели «затраты – выпуск». В своих многочисленных статьях, выступлениях он последовательно проводил идею о том, что экономическая теория должна базироваться на самой обширной первичной информации в различных сферах экономической деятельности. В этом смысле он иногда высказывался об экономике как «обыденной науке». Он выступал за создание таких теоретических конструктов, основные переменные которых имели бы реальное, измеримое значение. Однако он осознавал ограниченность и такого подхода, пытаясь реализовать в теоретическом плане представление об экономике, которое бы включало в себя взаимосвязь многих жизненно важных сфер общества. Теорети-

ческая точность для него обеспечивалась не математической формой или дедуктивным выводом, а широтой представленной информации, в том числе и о человеческих отношениях, влияющих на экономическое поведение. Поэтому он критиковал ортодоксию за абстрактность теоретических построений: «Год за годом экономисты производят десятки математических моделей и работают с формальными величинами, а эконометристы создают алгебраические функции всевозможных видов практически для одних и тех же наборов данных. Но и те, и другие не в состоянии на деле способствовать пониманию структуры и функционированию реальной экономической системы»¹³.

Он постоянно призывал правительство создать специализированное бюро по сбору информации о населении, о технологиях, и других самых отдаленных сферах общества, участвующих в экономико-хозяйственной деятельности. Он писал: «Прорыв в нашем понимании общественно-экономической реальности можно представить как прогрессивное замыкание, постепенное сжатие обобщенной описательной схемы. Внедрение новых, ранее неизвестных взаимосвязей между переменными, включенными в анализ, шаг за шагом сузит диапазон неопределенности, характеризующий все эмпирические знания — или отсутствие таковых — на любой стадии этого совокупного процесса. Тем не менее, полностью обоснованная законченная система представляет собой лишь практически недостижимый идеал»¹⁴. Потому что, как он считал, будут отсутствовать важные данные о «человеческих соотношениях». «Однако наши знания в области «человеческих соотношений, регулирующих поведение самих индивидуумов — тех, кто непосредственно занимается снабжением трудовыми ресурсами и потребляет конечный продукт, не говоря уже об управляющих так называемыми общественными секторами, — по-прежнему находятся в зачаточном состоянии»¹⁵.

Вклад Леонтьева в развитие экономической теории ценен не только тем, что он создал новые инструменты анализа национальных экономик, но и тем, что *он обосновал новую философско-методологическую программу экономических исследований, базирующуюся на интегрированном, целос-*

тном понимании взаимосвязи очень многих сфер жизни общества с экономикой и, наоборот, связи экономики с институциональной средой и ценностно-когнитивными структурами общественного организма.

Можно даже предположить, что творчество этого мыслителя находилось под влиянием идей Ф. Броделя и французской школы Анналов. Однако никаких явных упоминаний о влиянии идей французского историка Леонтьев не приводит. Но в некоторых моментах прослеживается удивительное созвучие фундаментальных идей Броделя об экономике, капитализме, рынке как механизме обмена и взаимосвязи экономической организации общества с другими его структурами и тем направлением экономического анализа, которое осуществил В. Леонтьев.

Невозможно пройти мимо идей Броделя, говоря о современном состоянии антинатуралистической программы экономических исследований. Бродель не вписывается в узкие рамки одного дисциплинарного подхода, поэтому его нельзя назвать просто историком, это мыслитель другого ранга. Его исследование материальной цивилизации и ее экономики заставляет переосмыслить многие философско-методологические основания наук об обществе. Бродель показывает, что экономику в конкретном обществе надо рассматривать как целостную иерархическую структуру, каждый из слоев которой прорастает друг в друга. Ее «нижний “этаж” материальной жизни, “неэкономики”, своего рода гумусный слой, где вырастают корни рынка, не пронизывая, однако, всей его массы. Этот нижний “этаж” остается огромным. Выше него, в зоне по преимуществу рыночной экономики, множились горизонтальные связи между разными рынками; некий автоматизм обычно соединял там спрос, предложение и цену. Наконец, рядом с этим словом или, вернее, над ним зона «противорынка» представляла царство изворотливости и права сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее»¹⁶. Гумусный слой образуют семейные хозяйства, надомные работники, мелкие хозяйства, с несколькими работниками, целые сферы мелких мануфактур и частных

предприятий. Его взгляд исследователя вскрывает слой за слоем, вплоть до развившегося в XVIII веке слоя промышленных предприятий среднего и крупного размера, ставших новым явлением в производстве. Поскольку вся экономика в обществе не может быть сводима к одному промышленному слою, хотя и непрерывно разрастающемуся и занимающему важное, доминирующее в развитых странах положение, то и рынок не является определяющим для понимания экономической жизни. Позиция Броделя по этому вопросу следующая: «Саморегулирующийся рынок, завоевывающий, рационализирующий всю экономику, — такой будто бы была главным образом история экономического роста. Карл Бринкман мог в недавнем прошлом утверждать, что экономическая история — это исследование происхождения, развития и возможного в будущем распада рыночной экономики. Такой упрощенный взгляд вполне согласуется с тем, чему учили поколения экономистов. Но ведь таким не может быть взгляд историков, для которых рынок — не просто эндогенное явление. И более того, он не представляет ни совокупности всей экономической деятельности, ни даже строго определенной стадии ее эволюции»¹⁷.

Для Броделя экономическая жизнь сращена со структурами повседневности, она укоренена в них и питает их своей заботой. В современных обществах экономика также не ограничивается только производством, она распределена среди многих сфер, имеет, в том числе, и гумусный слой. Поэтому полное представление о хозяйственно-экономической жизни общества может быть получено, на что обращал внимание В. Леонтьев, только учитывая все многообразие ее проявлений. Именно в этом моменте его философия экономики во многом созвучна взглядам Броделя.

Возвышение капитализма над структурами повседневности произошло в Европе, и это уникальное событие обязано участию также новоевропейского государства. Государственная власть и финансовый капитал нашли поддержку друг в друге, что привело, в конечном счете, к возвышению капитализма в той форме, в которой он возник в Европе и трансформации государственных экономик в глобальный капитализм. Бродель подчеркивал: «Современное государ-

ство было одно из тех реальностей, среди которых прокладывал себе дорогу капитализм, то стесняемый, то поощряемый и довольно часто продвигавшийся по нейтральной почве. Да и как могло быть иначе? Если интересы государства и интересы национальной экономики в ее целостности часто совпадали... то капитализм всегда находился в том секторе экономики, который обнаруживал тенденцию включиться в самые оживленные и самые доходные потоки международных дел»¹⁸.

Исследования Броделя содержат целостное представление о социальной реальности и подходах к ее изучению. Он критикует упрощающие дело подходы, в которых все экономические и социальные явления рассматриваются вне связи друг с другом, как бы вытекающие из одного ограниченного набора принципов. Он подчеркивал:

«Тем не менее, я вовсе не считаю, что в капитализме все материально, или все социально, или все есть общественное отношение, вне сомнения, остается, на мой взгляд, одно: он не мог выйти из одного сугубо ограниченного истока. Свое слово сказала здесь экономика; свое слово политика; свое слово — общество; свое слово сказали и культура и цивилизация. А также и история, которая зачастую была последней инстанцией, определяющей соотношение сил»¹⁹.

Идеи Броделя послужили картиной мира и дали теоретические схемы анализа современных экономических и социальных явлений для таких крупных мыслителей, как И. Валлерстайн и Дж. Арриги²⁰. Безусловно, концепция Броделя оказала, и будет оказывать возрастающее влияние на весь комплекс наук об обществе. В рамках настоящей статьи практически невозможно отразить это воздействие. Да мы и не ставили себе такую цель. Мы хотели лишь показать, что антинатуралистическая по своему замыслу исследовательская программа в области экономического знания может найти конкретное теоретическое воплощение.

Тем самым претензии формально-математической экономической теории отобразить в своих структурах динамически развивающуюся экономику обрели серьезную альтернативу, провоцирующую новые философско-методологические идеи.

Добавим также, что негативная характеристика исследовательской программы как антинатуралистической дополняется качественными характеристиками, позволяющими конкретизировать ее *культур-центристские и социо-центристские (институционалистские) черты*. Эта программа имеет также *социально-исторический антропологический (междисциплинарный) характер*, в любом случае она ориентированна на «другую» реальность, чем природа.

Методологические выводы

Антинатуралистические теории более полно конструируют предмет экономической науки, они также в значительной мере отвечают стандартам неклассической и постнеклассической научности. В целом в антинатуралистическом направлении можно выделить три типа исследовательских программ:

1. **Культур-центристская исследовательская программа.** Образцовой наукой здесь выступает культурология, которой присущ метод рациональной реконструкции, герменевтического понимания, принципиальная множественность описаний одного и того же фрагмента действительности и изначальная неполнота теоретических моделей.

2. **Социо-центристская (институционалистский подход),** которая ориентированна на ненатуралистически истолкованную социологию, способную связать любую сферу общества с социальной сферой, а также с другими сферами, в том числе со сферой культуры.

3. **Социально-историческая антропологическая (междисциплинарная) тенденция,** соединяющая исследование конкретно-исторических экономических систем с междисциплинарным синтезом теоретического типа.

Можно утверждать, что экономические теории в рамках натуралистической исследовательской программы уже созданы и практически все известны. Дальнейшее развитие экономических теорий натуралистического типа возможно за счет разработки новых средств математического анализа экономических процессов, что фактически и происходит сегодня²¹. Этот процесс, возможно, потребует дальнейшего развития математического аппарата, а также новых математи-

ческих теорий. В этом случае результат междисциплинарного синтеза скажется как на развитии направлений математики, так и экономических теорий натуралистического типа.

Что касается антинатуралистических программ в экономической науке, их число, полагаем, будет расти. Уже сейчас можно назвать эволюционную программу, с одной стороны, как будто наследующую биологический эволюционизм как некую метафору, но на деле расширяющую исторически – антропологический подход к механизмам наследования и изменчивости экономического поведения в конкретном обществе²².

И, завершая методологические выводы, скажем о роли социальной философии в экономическом познании. Выше было показано, что философия науки участвует в формировании всех рассмотренных исследовательских программ и их вариаций, что экономическое знание поставляет философии науки материал для этого. Представляется, что в совместном «обследовании» экономической жизни, исходя из разных точек зрения, идущих от рассмотренных исследовательских программ, философии науки принадлежит решающий голос.

При этом целесообразно отметить также роль других философских дисциплин, прежде всего, социальной философии. Вполне возможно, что дискуссия о сути социального, происходящая здесь, даст толчок для формирования новых программ в развитии экономических теорий. Это предположение основано на новых идеях социальной философии, с одной стороны, и на новых деверсификациях экономической деятельности, с другой.

Первая часть изменений касается того, что социальная философия сегодня берется не только за анализ макропроблем, но все чаще обращается к case study²³. Кроме того, меняющаяся роль социальной философии в новых познавательных стратегиях как части опыта неклассической науки получила обсуждение в современной литературе.

Примечания

¹ Вариант неклассической теории познания разрабатывает И.Т. Касавин (см.: *Касавин И.Т.* Познание в мире традиций. М., 1990; *его же.* Миграция. Креативность. Текст. М., 1999.

- ² *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. III. М., 1983. С. 226.
- ³ Формирование экономических теорий под влиянием натуралистических исследовательских программ проанализировано автором в других работах (см.: *Колпаков В.А.* Натуралистические исследовательские программы в развитии экономической теории // Эпистемология и философия науки. 2008. № 2. Т. XV.
- ⁴ *Федотова В.Г.* Социальная философия и науки об обществе // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II. № 2. С. 125.
- ⁵ См.: *Колпаков В.А.* Проблема совместного действия // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. IX. №3. С.33 – 38.
- ⁶ *Мизес фон Л.* Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск. 2005. С. 43.
- ⁷ Веблен автор целого ряда работ по экономике и социологии, наибольшую известность среди которых имеет «Теория праздного класса» (М., 1984).
- ⁸ Там же. С. 200.
- ⁹ Представителями раннего институционализма были, помимо Т. Веблена, У. Митчелл, Дж. Коммонс, Р. Тагвелл. В 40 – 50 годах влияние институционализма уменьшилось, это направление позднее развивали А. Беркли, Г. Минз, А. Лоув, К. Эйрес и другие. Неоинституционализм получил дальнейшее развитие в работах Д. Белла, Дж. Гелбрейта, У. Ростоу, О. Тоффлера, Г. Мюрдала и многих других. На современном этапе это направление экономического анализа институционализировалось, имеет свои специализированные журналы, конференции и т.п.
- ¹⁰ См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1985.
- ¹¹ См.: *Ходжсон Д.* Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003. С.41 – 47.
- ¹² *Сэмюэлс У. Дж.* Институциональная экономическая теория // Панорама экономической мысли конца XX столетия. В 2-х т. СПб., 2002. С. 129.
- ¹³ *Леонтьев В.* Избранные статьи. СПб, 1994. С. 175.
- ¹⁴ Там же. С. 140.
- ¹⁵ Там же. С. 141.
- ¹⁶ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. В 3-х т. Т. II. М., 2006. С. 217.
- ¹⁷ Там же. С. 212.
- ¹⁸ Там же. С. 567.
- ¹⁹ Там же. С. 409.
- ²⁰ См.: *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006; *Валерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.
- ²¹ Имеется в виду создание и использование новых математических языков, например, фрактальной геометрии для анализа экономических процессов (см.: *Mandelbrot B.D., Hudson R. L.* The (mis)Behavior of Markets: A Fractal View of Risk, Ruin, and Reward. N.Y., 2004.
- ²² См.: *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М., 2004. С.5; *Федотова В.Г.* Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 22 – 23.
- ²³ См.: Новые идеи в социальной философии. М., 2006.